

A portrait of a woman with long, dark, wavy hair, wearing a crown and a dark, lace-trimmed dress. She is looking directly at the camera with a serious expression. The background is dark and out of focus, with a candle visible on the left.

Сергей Патрушев

Корона Тьмы

Сергей Патрушев

Корона Тьмы

«Автор»

2026

Патрушев С.

Корона Тьмы / С. Патрушев — «Автор», 2026

Юная Лира жила в тихой деревне, не подозревая, что в её жилах дремлет колоссальная магическая сила, но в один кровавый день всё изменилось: маг-завоеватель Рейнар уничтожил её дом в поисках древнего артефакта — Короны Тьмы. Спасаясь от гибели, девушка случайно завладела короной и артефакт признал в ней Хозяйку, намертво слившись с её сущностью. Теперь Лира изгнанница, вынужденная скрываться от безжалостных наёмников и постигать тёмную силу, которую не понимает и боится. Корона питается её эмоциями, дарует невидимость, власть над тенями и способность видеть ауры живых, но каждая тренировка истощает её а тьма постепенно меняет саму её природу. Враги ищут её. Древние ордена пробуждаются, почувствовав рождение новой Тёмной Владычицы. Перед Лирой выбор: вечно бежать или принять судьбу и стать той, кого мир будет бояться.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел на ветру	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Патрушев

Корона Тьмы

Глава 1. Пепел на ветру

Запах был первым, что почувствовала Лира, открыв глаза на рассвете. Это был не просто запах хлеба, хотя он, конечно, присутствовал, тяжелый, дрожжевой, выползающий из пекарни старого Бранна густыми, почти осязаемыми волнами. Это был запах жизни — сложный, многогранный аромат просыпающейся деревни, который она вдыхала каждое утро на протяжении всех своих двадцати лет, и который стал для нее таким же привычным, как биение собственного сердца. Пахло свежескошенной травой, которую вчера разложили на просушку у восточного края частокола, и этот аромат, сладковатый и терпкий одновременно, напоминал о приближающемся сенокосе, о длинных, полных труда, но таких предсказуемых летних днях. Пахло дымом очагов, который лениво поднимался в бледно-розовое небо десятками тонких серых столбиков, смешиваясь с утренним туманом, стелющимся над рекой, создавая ту самую дымку, из-за которой деревня и получила свое название — Ивняки. Пахло конским потом и кожей — верный признак того, что отряд королевских сборщиков налогов снова остановился в «Приюте усталого путника», единственной таверне на всю округу, и теперь их лошади, привязанные у коновязи, лениво отмахивались хвостами от первых проснувшихся мух. Но поверх всего этого, пронизывая собой каждый вдох, просачиваясь в каждую пору, стоял запах реки, той самой, что питала их поля и давала им рыбу, запах ила, воды и невысказанной, спокойной вечности, которая, казалось, будет длиться всегда.

Лира потянулась, разминая затекшие за ночь мышцы, и на мгновение замерла, наслаждаясь этим коротким моментом между сном и бодрствованием, когда тело еще помнит мягкость постели, а разум еще не до конца погрузился в водоворот дневных забот. Ей только недавно исполнилось двадцать, но тело уже хорошо знало цену тяжелому труду, знало, что такое мозоли на ладонях, ноющие плечи после долгих часов у наковальни и усталость в ногах после целого дня, проведенного на ногах. Сегодня ей предстояло помогать отцу в кузнице, как она делала это с тех пор, как достаточно подросла, чтобы удержать молот. У старого мерина мельника, огромного серого коня с кроткими глазами и непредсказуемым нравом, треснула подкова, и это было делом первостепенной важности, потому что без мерина мельник не мог возить зерно, а без зерна не было бы муки, а без муки — хлеба. А у дочери старосты, капризной и избалованной Алисы, которая была всего на год младше Лире, но вела себя так, будто весь мир вращается вокруг нее, сломался засов на сундуке с приданым, и та, разумеется, считала это делом государственной важности, требующим немедленного вмешательства, и уже, наверное, трижды послала служанку проверить, не проснулся ли кузнец.

Лира вздохнула, отбрасывая одеяло из грубой, колючей шерсти, и спустила босые ноги на холодный дощатый пол. Деревня, которую она знала всю свою жизнь, деревня под названием Ивняки, раскинувшаяся в излучине реки, вдали от больших трактов и шумных городов, была всем ее миром. Миром простым, предсказуемым и надежным, миром, где каждый знал свое место и свои обязанности, где радости были простыми, а горести — общими, где жизнь текла размеренно, как вода в реке, не зная бурных порогов и опасных водоворотов. Она не была счастлива в том смысле, в каком это слово понимают менестрели в своих балладах о прекрасных дамах и отважных рыцарях, но она была довольна. Она знала, что ждет ее завтра,

и послезавтра, и через год. Она выйдет замуж за кого-нибудь из деревенских парней, может быть, за того же Пакса, сына кожевника, который всегда смотрел на нее с нескрываемым обожанием, или за Бранна-младшего, который унаследует пекарню отца. У нее будут дети, она будет растить их, учить тому же, чему учили ее, и однажды, состарившись, она будет сидеть на завалинке и смотреть, как ее внуки играют у реки. Эта мысль не пугала ее, а наоборот, успокаивала, придавала жизни смысл и устойчивость, которых так не хватало в рассказах заезжих торговцев о большом мире, полном интриг, войн и опасностей.

Она оделась быстро, не глядя натыкаясь на привычные вещи — простое льняное платье, выцветшее от многократных стирок, но все еще крепкое, кожаный фартук с обожженными краями, грубые башмаки, которые отец сам сшил для нее прошлой осенью. В доме было тихо, только где-то за печкой сверчок заканчивал свою ночную песню, уступая место дневным звукам. Отец, должно быть, уже ушел в кузницу, чтобы развести горн до наступления дневной жары, потому что работать у раскаленного металла в полдень, когда солнце стоит в зените, было сущим мучением. Лира знала его распорядок так же хорошо, как свой собственный, знала, что он встает до первых петухов, завтракает всухомятку и уходит, не прощаясь, чтобы не будить ее. Но она всегда просыпалась от звука закрывающейся двери, от едва слышного скрипа старых петель, и этот звук был для нее чем-то вроде колыбельной, которая говорила: все в порядке, жизнь идет своим чередом.

Выйдя на крыльцо, она на мгновение замерла, подставляя лицо первым лучам солнца. День обещал быть ясным и теплым, одним из тех благословенных дней поздней весны, когда кажется, что весь мир умыт и сияет, когда небо такое голубое, что на него больно смотреть, а воздух напоен ароматами цветущих яблонь и черемухи. Во дворе соседского дома куры уже деловито копошились в пыли, выискивая зерна, а где-то вдалеке мычала корова, требуя, чтобы ее подоили. Эти звуки, эти запахи, эта картина были настолько привычны, настолько въелись в самую суть ее существования, что она воспринимала их не разумом, а чем-то более глубоким, первобытным, тем, что связывает человека с местом, где он родился и вырос, неразрывными узами.

Она направилась к таверне, чтобы перехватить у Мирны, хозяйки, краюху свежего хлеба и кружку разбавленного эля, перед тем как идти к отцу. Это был их ежедневный ритуал, маленькая передышка перед началом работы, момент, когда она могла на несколько минут остановиться, перевести дух и насладиться покоем, прежде чем погрузиться в шум и жар кузницы. Дорога от их дома до таверны занимала не больше пяти минут быстрым шагом, но Лира никогда не торопилась. Она любила этот короткий путь, любила смотреть, как просыпается деревня, как открываются ставни, как перекликаются соседи, как дети, не успев позавтракать, выбегают на улицу, чтобы поиграть до начала дневных работ. Все эти мелочи, из которых состояла ее жизнь, были для нее источником тихой, неосознанной радости, и она впитывала их, как сухая земля впитывает весенний дождь.

Деревня просыпалась, и этот процесс, повторяющийся каждое утро с неизменной регулярностью, был похож на хорошо отлаженный механизм, где каждая шестеренка знает свое место. Открывались ставни, перекликались соседи, где-то звенела цепью собака, которую уже выпустили из будки, и этот звук был знаком каждому жителю Ивняков, потому что пес принадлежал старосте и был известен своим злобным нравом. У колодца две кумушки, жены фермеров, оживленно обсуждали последнюю выходку сына одной из них, который вчера опять залез в соседский сад за яблоками и был пойман на месте преступления. Их голоса, громкие и пронзительные, разносились по всей площади, и Лира невольно улыбнулась, услышав обрывок

фразы о том, что «мальчишку надо выпороть, пока он не вырос в разбойника». Этот привычный гомон успокаивал, он был неотъемлемой частью жизни, как воздух, как вода, как сама земля под ногами.

Ли́ра дошла до таверны, массивного двухэтажного здания, стоящего на центральной площади, и остановилась на мгновение, разглядывая его. Таверна была построена еще прадедом нынешнего старосты, из толстых дубовых бревен, которые за прошедшие десятилетия стали почти черными от времени и непогоды. Крыша, крытая почерневшей соломой, слегка просела в середине, но все еще надежно защищала от дождя и снега. Дверь, как всегда, была гостеприимно распахнута, и изнутри тянуло ароматами, от которых у Лиры сразу заурчало в животе. «Приют усталого путника» был местом, где собирались все местные новости, где по вечерам звучала незамысловатая музыка, и где Ли́ра, бывало, помогала Мирне за парой медяков, когда у той было особенно много посетителей. Это было сердце деревни, ее живой, пульсирующий центр, место, где кузнец мог обсудить цены на железо с торговцем, где фермер мог пожаловаться на неурожай, а молодежь — потанцевать под скрипку старого Ганса, единственного музыканта на всю округу.

Внутри было прохладно и полумрачно после яркого утреннего света, и глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к царящему здесь полумраку. В зале, несмотря на ранний час, уже было несколько посетителей, в основном фермеры, которые пришли в деревню по делам и решили перекусить перед обратной дорогой. Они сидели за грубо сколоченными столами, не торопясь потягивали свой эль и обсуждали виды на урожай, который в этом году обещал быть особенно хорошим благодаря дождливой, но теплой весне. За одним из дальних столов, в самом темном углу, сидели двое сборщиков налогов, мрачные типы в одинаковых серых плащах, и молча жевали свою яичницу, не обращая внимания на остальных посетителей. Ли́ра знала, что они приезжают каждый год в это время, чтобы собрать подати, и что их никто не любит, потому что они всегда забирают слишком много, оставляя крестьянам лишь малую часть их трудов.

Мирна, дородная женщина с добрым лицом, изрезанным морщинами, и руками, привыкшими к любой работе, стояла за стойкой и протирала кружки, время от времени поглядывая на посетителей, чтобы убедиться, что у них всего достаточно. Она была вдовой, муж ее умер много лет назад от лихорадки, оставив ей таверну и двух дочерей, которых она вырастила одна, вложив в них всю свою душу и все свои силы. Несмотря на тяжелую жизнь, она сохранила добрый нрав и открытое сердце, и к ней в таверну приходили не только за элем и едой, но и за добрым словом, за советом, за возможностью излить душу. Она была для деревни кем-то вроде неофициального духовника, и к ее мнению прислушивались все, от простых фермеров до самого старосты.

— Доброе утро, милочка, — прогудела Мирна, заметив Лиру. Ее голос, низкий и раскатистый, был похож на шум далекого водопада. — Отец уже прибежал за своим завтраком, умчался горн раздувать. Говорил, что дел сегодня неуворот.

— Я так и думала, — улыбнулась Ли́ра, садясь на высокий табурет у стойки. Она любила этот момент, когда могла просто сидеть и болтать с Мирной о всяких пустяках, не думая о работе и обязанностях. — Мне, как обычно, Мирна. Только дай побольше, день предстоит длинный. Алиса опять со своим сундуком прибежит, а у мельника мерин подкову потерял.

Мирна хмыкнула, покачав головой, и скрылась в подсобке, чтобы вернуться с ломтем хлеба, от которого шел пар, и налитой до краев кружкой эля. Хлеб был еще теплым, и масло, которое Мирна щедро намазала сверху, таяло, пропитывая пористую мякоть. Лира с наслаждением впилась зубами в хрустящую корочку, чувствуя, как по телу разливается тепло и покой. Этот простой вкус, тепло печи и свежесть напитка были для нее воплощением всего того, что она любила в этой жизни, всего того, что делало ее существование осмысленным и полным. Она сидела, полужакрыв глаза, и слушала тихое журчание утра, этот негромкий, но такой умиротворяющий звук, который складывался из множества мелких шумов: звона кружек, тихих разговоров, потрескивания дров в камине, дальнего пения птиц за открытой дверью.

Разговоры вокруг текли своим чередом, монотонные и успокаивающие, как шум дождя за окном. Оживление царило лишь за столом у окна, где двое фермеров, Томаш и Мартин, спорили о том, как лучше укрепить берег реки у дальнего поля, чтобы весенний паводок не смыл посевы. Томаш, пожилой мужчина с седыми усами и обветренным лицом, настаивал на том, что нужно сажать ивы, потому что их корни хорошо укрепляют почву, а Мартин, его ровесник, но более горячий и порывистый, доказывал, что ивы не помогут, и нужно строить каменную стену, как делают в городах. Их спор длился уже не первый день, и Лира знала, что он никогда не будет разрешен, потому что оба были слишком упрямы, чтобы признать правоту другого. Она знала каждого из этих людей. Знала их заботы, их шутки, их горести. Они были ее семьей, ее общиной, ее единственным знакомым миром. Мысль о том, что эта жизнь может измениться, казалась абсурдной, немыслимой, невозможной, как мысль о том, что солнце может перестать всходить на востоке.

Внезапный, резкий звук, прорезавший тишину утра, был настолько чужд этому миру, этому укладу, этой размеренной жизни, что Лира не сразу поняла, что это. Это был не кузнечный молот и не топор дровосека, не грохот упавшего дерева и не звон разбитого горшка. Это был не гром, ибо небо было ясным, не камнепад, ибо горы были далеко. Это был звук, который она слышала только в рассказах ветеранов, заходивших в таверну, в их пьяных, но полных ужаса байках, которым она, признаваясь, не очень-то верила, считая их преувеличениями, порожденными старыми ранами и измученной памятью. Звук, похожий на громкий, отрывистый треск, но многократно усиленный, звук, который пробирал до костей, заставляя волосы на затылке вставать дыбом. Крик. Мгновение спустя раздался второй, за ним третий, и с каждым новым звуком сердце Леры сжималось все сильнее, а в груди росло чувство неясной, но острой тревоги.

В таверне воцарилась тишина. Все разговоры оборвались, кружки замерли на полпути к губам, вилки повисли в воздухе. Люди обменивались растерянными, испуганными взглядами, не понимая, что происходит, но чувствуя, что случилось что-то страшное, что-то, что навсегда изменит их жизнь. Томаш поднялся со своего места, и его лицо, обычно спокойное и добродушное, было бледным и напряженным.

— Что это за... — начал он, но его прервал новый, еще более леденящий душу звук. Это был крик. Не крик радости или спора, не крик боли или усталости, а пронзительный, полный животного ужаса вопль, который захлебнулся, оборвавшись на самой высокой ноте, как струна, которую слишком сильно натянули. И сразу за ним — топот десятков ног, грохот, звон металла, звуки, которые не оставляли сомнений: в деревню пришла беда.

— Нападение! — взревел кто-то, и это слово, как бич, хлестнуло по нервам, сорвав плену оцепенения, в которую были погружены все присутствующие. — Рейдеры!

Мгновенно началась паника, та самая паника, которая лишает людей разума, превращая их в обезумевших животных, готовых на все ради спасения. Визг посуды, опрокидываемые лавки, топот и крики, все это слилось в один непрерывный, оглушающий шум. Люди повскакивали со своих мест, беспорядочно заматались по залу, не зная, куда бежать, хватаясь друг за друга, опрокидывая столы и стулья. Кто-то бросился к окну, пытаясь выбить ставни, кто-то кинулся к задней двери, надеясь уйти через кухню, кто-то просто забился в угол и замер, парализованный ужасом. Лира почувствовала, как все ее тело сковал ледяной ужас, как кровь отхлынула от лица, оставив его холодным и онемевшим. Мысли заматались, не в силах оформиться во что-то связное, в голове билась одна-единственная фраза: «Этого не может быть. Этого просто не может быть». Не здесь. Не с ними. Они платили налоги, у них были стены, хоть и невысокие, деревянные, но все же стены. Ивняки были слишком маленькой, слишком незначительной деревней, чтобы стать целью для набега. Кому они нужны? Что у них можно взять? Зерно? Скот? Жалкие гроши, собранные в общий котел? Это не имело смысла, и от этого непонимания страх становился еще сильнее, еще парализующее.

Дверь таверны с грохотом распахнулась, и в проем ввалился человек. Его лицо было залито кровью, струящейся из раны на лбу, глаза выпучены от страха, одежда разорвана. Это был Эрник, кожевник, мирный человек, который в жизни не держал в руках оружия, разве что нож для разрезания кожи. Он ввалился внутрь, спотыкаясь, и, казалось, не понимал, где находится.

— Они прорвались через восточные ворота! — заорал он срывающимся, каким-то не своим голосом. — Их... их нельзя убить! Они... — он запнулся, словно не находя слов, чтобы описать увиденное, словно сам не верил в то, что ему довелось пережить. И в этот момент его настиг огненный шар, сорвавшийся с чьей-то руки снаружи, из мира, который превратился в кошмар. Взрыв. Яркая, ослепительная вспышка, на мгновение осветившая весь зал, а затем — волна жара, от которой перехватило дыхание. Эрника отбросило внутрь, и он рухнул на пол, его одежда горела, а от тела шел отвратительный, сладковатый запах, запах горящей плоти, который навсегда врезался в память Леры, став первым из многих ужасов этого дня.

Лира закричала. Она не слышала собственного голоса, он утонул в общем вое ужаса, заполнившем таверну, но она чувствовала, как вибрирует горло, как вырывается из груди этот первобытный, животный звук. Люди бросились к задней двери, к окнам, давя друг друга, не разбирая пути. Кто-то упал, и по нему пробежали, не останавливаясь, не пытаясь помочь. Кто-то пытался укрыться за перевернутыми столами, но эти укрытия были смехотворно ненадежны против той силы, что ворвалась в их мир. Паника была всепоглощающей, она захлестывала, как волна, лишала способности рассуждать, оставляя только один инстинкт — инстинкт выживания. Ее тело действовало само по себе, подчиняясь этому древнему, как сам мир, инстинкту. Разум, парализованный ужасом, уступил место чистому автоматизму. Она соскользнула с табурета и, не помня как, оказалась под огромным дубовым столом, стоявшим в самой глубине таверны, в углу, в стороне от окон. Это был стол, за которым по вечерам играли в кости, самый большой и прочный в заведении, сколоченный из толстых дубовых досок, которые потемнели от времени и стали твердыми, как камень. Он был застелен тяжелой, до пола, темно-зеленой скатертью, потемневшей от пролитого эля и времени, и эта скатерть, свисающая до самого пола, создавала под столом убежище, маленький, темный мирок, в котором можно было спрятаться от кошмара, разворачивающегося снаружи.

Лира забилась в самый дальний угол, прижимаясь спиной к холодной, грубо оштукатуренной стене, и натянула на себя край скатерти, надеясь, что это укроет ее от посторонних глаз, что она сможет переждать этот ужас здесь, в этой темноте, как пережидают грозу в погребе. Сердце колотилось в груди с такой силой, что ей казалось, будто оно вот-вот выпрыгнет наружу, и она прижала руку к груди, пытаясь унять этот бешеный стук. Дыхание сбивалось, становилось поверхностным и частым, и ей приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не задыхаться слишком громко, не выдать себя.

Сквозь плотную ткань до нее доносились лишь искаженные звуки, превращаясь в чудовищную какофонию, в которой невозможно было различить ни отдельных слов, ни отдельных голосов. Но она могла видеть. В скатерти, изношенной годами, было несколько небольших дыр, протертых до ниток, и через них, как через окна в ад, перед ней разворачивался кошмар, кошмар, который она никогда не сможет забыть, который будет преследовать ее в ночных кошмарах до конца жизни. Она видела только фрагменты, быстро сменяющие друг друга, как сцены в театре ужасов, как картинки, которые показывают детям, чтобы напугать их. Чьи-то сапоги, забрызганные грязью и кровью, пробежали мимо, и она не могла понять, чьи они — своих или чужих. Мелькнуло перекоченное, искаженное ужасом лицо Мирны, пытавшейся отбиться от человека в темных доспехах сковородой, своим единственным оружием, прежде чем он с легкостью отбросил ее в сторону, словно тряпичную куклу, словно она ничего не весила. Вспышка ослепительно-зеленого света, прорезавшая полумрак, как молния прорезает ночное небо. Обжигающий жар, от которого зашипало кожу даже под столом. Крик боли, переходящий в хрип, а затем — тишина, страшная, звенящая тишина, которая хуже любого крика.

Ее мир, ее уютная, безопасная вселенная, рушился на куски прямо у нее на глазах, и она ничего не могла с этим поделать. Она была никем. Просто испуганной девчонкой, без оружия, без магии, без малейшего шанса на спасение. Она не умела сражаться. Все ее навыки, все ее умения были бесполезны здесь. Она умела обращаться с кузнечным молотом, но молот был не оружием, а инструментом. Она умела раздувать горн, но огонь был не ее другом, а лишь частью работы. Она умела успокаивать испуганных лошадей, но лошади не могли защитить ее от магии. Вся эта жизнь, весь этот опыт был сейчас абсолютно бесполезен, как бесполезен деревянный меч в битве против настоящего. Она зажала ладонями рот, чтобы не закричать, чтобы не выдать себя, чтобы не привлечь внимание тех, кто снаружи сеял смерть и разрушение. По щекам, оставляя горячие дорожки, текли слезы, и она не могла их остановить. Тело сотрясала неудержимая дрожь, мелкая, противная, которая не поддавалась контролю. Она молилась. Впервые за многие годы она молилась, неумело, сбивчиво, обращаясь ко всем богам, которых знала, к тем, о которых рассказывали в детстве, к тем, в которых она не верила по-настоящему, но которые сейчас казались единственной надеждой.

Внезапно звуки боя изменились. Они стали громче, ближе, и в них появилось что-то новое, что-то, что заставило воздух в таверне сгуститься, наполниться статическим электричеством, от которого у Леры зашевелились волосы на руках. К общему шуму добавился новый голос — низкий, раскатистый, произносящий слова на неизвестном языке, слова, которые вибрировали в воздухе, полные силы и мощи. Это была магия. Настоящая боевая магия, о которой она слышала только в легендах, в сказаниях, которые рассказывали долгими зимними вечерами, и в которые она, как и все, не очень-то верила. Магия не была частью ее жизни. В Ивнях не было ни одного мага, ни одного человека, который владел бы хоть крупницей этого дара. Ближайший маг жил в городе, в трех днях пути отсюда, и его услугами пользовались только богачи, которым нужно было исцелить болезнь или предсказать погоду. А это была другая магия, темная, разрушительная, направленная на уничтожение, на причинение боли и смерти.

Источник силы явно находился рядом. Совсем рядом. Лира почувствовала, как волна энергии пронеслась по залу, сбивая с ног тех, кто еще стоял, заставляя стены дрожать, а пол — вибрировать под ее телом. Она замерла, стараясь дышать как можно тише, через раз, мелкими, поверхностными вдохами, которые едва наполняли легкие, но не производили почти никакого шума. Каждый вдох был пыткой, каждый выдох — риском, но она не могла не дышать, хотя иногда ей казалось, что легче было бы умереть, чем продолжать этот кошмар.

Сквозь дыру в скатерти она увидела его. Он вошел в таверну, и его появление, казалось, заставило само пространство сжаться, а время — замедлить свой бег. Высокая фигура, закованная в вороненые доспехи, которые не блестели, а, наоборот, поглощали свет, поверх которых был наброшен темный, с серебряной нитью, плащ, развевающийся за спиной, хотя в зале не было ветра. Лицо было скрыто под капюшоном, но из-под него выбивались пряди абсолютно белых, как снег, волос, белых настолько, что они казались седыми, хотя голос мага звучал молодо и сильно. В руках у него не было меча, вместо этого вокруг его ладоней клубились, потрескивая, сгустки черной, багровой по краям, энергии, той самой энергии, которая, как она поняла, и была источником того давления, что она чувствовала. Он двигался с пугающей, хищной грацией, не суетясь, но и не медля, и каждый его шаг отдавался в полу, как удар похоронного колокола, как шаг самой судьбы, пришедшей забрать должок.

— Прекратить сопротивление! — прорычал он. Голос был холоден, как зимний ветер, как лед, как сама смерть, и не допускал возражений. В нем не было ни капли сомнения, ни капли милосердия, ни капли человечности. — Сдавайтесь, и, возможно, вы сохраните свои жалкие жизни.

Ответом ему был лишь боевой клич. Из глубины зала, откуда-то сбоку, на него бросились двое стражников, те самые, что охраняли днем ворота деревни, простые деревенские парни, обученные лишь держать копье и носить кожаную броню. На их лицах был написан ужас, но они шли вперед, выставив копья, потому что это был их долг, их единственная обязанность, и они не могли отказаться от нее, даже перед лицом неминуемой смерти. Лира узнала в одном из них Пакса, сына кожевника, с которым она выросла. Он был всего на пару лет старше нее, и она помнила, как они детьми бегали по лугам, как он учил ее ловить рыбу, как они ссорились и мирились, как он подарил ей на прошлый праздник урожая деревянный браслет, который она так и не надела, но хранила в шкатулке с другими безделушками. И теперь он бежал навстречу магу, навстречу своей судьбе, и Лира не могла отвести взгляд, не могла закрыть глаза, хотя хотела, хотела больше всего на свете.

Маг-завоеватель даже не повернул головы. Его рука лениво, почти небрежно, взметнулась, как будто он отмахивался от назойливой мухи, а не от человека с копьем. Черный сгусток энергии сорвался с его ладони, как живой, как хищная птица, выпущенная на свободу, и врезался в Пакса. Доспех Пакса, простая кожаная куртка, не выдержал. Его тело вспыхнуло изнутри, объятые черным пламенем, которое не давало света, а лишь поглощало его, как поглощает свет сама тьма. Страшный, короткий крик, полный боли и отчаяния, и он рухнул, обратившись в обугленную массу, в которой уже ничто не напоминало того Пакса, которого она знала. Второй стражник, парализованный увиденным, замешкался, и следующая вспышка магии отшвырнула его к стене, откуда он сполз безжизненной куклой, как сломанная игрушка.

Лира хотела закрыть глаза, но не могла. Ее взгляд, полный ужаса, был прикован к происходящему, как будто какая-то неведомая сила держала ее в своих тисках, не позволяя отвер-

нуться. Она боялась, что любое движение, даже моргание, привлечет к ней внимание этого чудовища, этого порождения тьмы, которое сеяло смерть так буднично, как она сама сеяла зерно или жала пшеницу. Маг, тем временем, даже не замедлил шаг. Он прошел в центр зала, оглядывая помещение, словно искал кого-то. Или что-то. Его лицо все еще оставалось в тени капюшона, но Лира чувствовала на себе его взгляд, холодный, пронизывающий, способный видеть сквозь стены и материю, способный проникнуть в самую душу и вывернуть ее наизнанку. Ей казалось, что он знает о ней, что он уже видит ее, скорчившуюся под столом, и просто играет с ней, как кошка играет с мышью, прежде чем нанести смертельный удар.

Снаружи продолжали доноситься крики и звон оружия, но здесь, в таверне, наступила зловещая тишина, та самая тишина, которая бывает после сильного удара, когда все звуки замирают на мгновение, прежде чем обрушиться с новой силой. Выжившие, те немногие, кто еще был в сознании, забились в углы и боялись дышать, боялись даже подумать о том, чтобы пошевелиться. Маг стоял в центре, словно хищник, наслаждающийся своим триумфом, и его черная магия, покорная его воле, змеилась вокруг пальцев, как живые существа, готовые в любой момент броситься на жертву. Лира чувствовала эту энергию, чувствовала ее холод, ее голод, ее нетерпение, и от этого чувства ее тошнота подступала к горлу, а разум молил о том, чтобы это все оказалось просто кошмарным сном.

Внезапно маг вздрогнул, словно от сильного удара. Лира не поняла, что произошло. Он резко обернулся к входной двери, и в его позе появилось напряжение, которого не было раньше. В следующее мгновение в таверну ворвались новые звуки боя, и внутрь, тяжело дыша, вбежал еще один человек. На нем была форма ополчения, но не Ивняков. Это был один из сборщиков налогов, тот, что был в сером плаще, и теперь Лира увидела, что под этим плащом скрывался не просто чиновник, а воин. У него был меч, настоящий боевой меч, и он неплохо им владел, судя по тому, как уверенно он его держал, как быстро занял боевую стойку, как оценивающе смотрел на своего противника.

— Маг Хаоса! — выплюнул он, и в его голосе было больше ненависти, чем страха. — Ты нарушил Пакт Равновесия! Ты ответишь перед Орденом!

Маг-завоеватель издал звук, похожий на презрительный смешок, короткий, сухой, лишенный всякой радости. — Орден далеко, глупец, — сказал он. — И он не успеет спасти твою ничтожную жизнь. А если бы и успел, то что бы он сделал? Прочитал бы мне лекцию о морали и нравственности?

Сборщик налогов взревел и бросился в атаку. Это был умелый боец, его движения были быстры и точны, каждый выпад рассчитан, каждый замах выверен. Он наносил удары с такой скоростью, что глаз едва успевал следить, и Лира, наблюдавшая за боем сквозь свою щель, не могла не восхититься его мастерством, даже несмотря на весь ужас ситуации. Но маг был быстрее. Он уклонялся от каждого удара, его фигура словно расплывалась в воздухе, оставляя после себя лишь черный дымный след, как будто он был не человеком, а тенью, призраком, сгустком тьмы, принявшим человеческую форму. Зал наполнился звоном клинка, встречающего магические щиты, вспышками тьмы и стали, и этот бой был похож на танец смерти, на схватку двух стихий, двух сил, которые не могли сосуществовать в одном мире. Это была битва двух совершенно разных сил, столкновение, за которым Лира наблюдала затаив дыхание, не в силах оторваться, несмотря на то, что каждый миг этого боя мог стать для нее последним.

Маг, казалось, играл со своим противником. Он не использовал свою силу в полную мощь, он наслаждался этим боем, как гурман наслаждается изысканным блюдом, растягивая удовольствие, не торопясь с развязкой. Но в какой-то момент сборщик налогов провел неожиданный, обманный маневр, тот самый маневр, которого маг, видимо, не ожидал от простого, как он считал, ополченца. Его меч, сверкнув серебром в полумраке, прочертил дугу и задел левую руку мага. Раздался свист, и на черных доспехах появилась тонкая светящаяся полоса, из которой начал сочиться странный, серебристый дымок. Маг, впервые, издал яростный, нечеловеческий вопль. Это был звук уязвленной гордыни и боли, звук, от которого у Лирь кровь застыла в жилах, звук, который, казалось, исходил не из человеческого горла, а из самой бездны. Он взмахнул руками, и вокруг него сформировалось кольцо черной энергии, которое волной устремилось во все стороны, сметая все на своем пути.

Сборщик налогов был отброшен к стене, но успел перекатиться, избежав прямого попадания. Он тяжело дышал, его силы были на исходе, и Лира видела, как дрожит его рука, сжимающая меч, как он пытается восстановить дыхание, как его взгляд мечется по залу в поисках выхода или подкрепления. Маг, казалось, наоборот, стал еще более собранным и опасным. От его раны шел легкий, неестественный дымок, но он, казалось, не обращал на нее внимания, полностью сосредоточившись на своем противнике. Он больше не играл. Он был в ярости, и эта ярость делала его еще более страшным, еще более смертоносным. Его энергия, темная и всепоглощающая, наполнила зал до краев, и Лира почувствовала, как она давит на нее, как она пытается проникнуть в ее сознание, внушая отчаяние и безнадежность.

Бой возобновился с новой силой, но теперь перевес был полностью на стороне мага. Его магия была без промаха, заставляя противника лишь уклоняться и защищаться, не оставляя ему ни единого шанса для атаки. Они перемещались по залу, круша мебель, и в один из моментов оказались совсем рядом со столом, под которым пряталась Лира. Ее сердце колотилось в груди, как бешеное, она прижала ладонь к губам, боясь издать хоть звук, боясь даже дышать. От вспышек магии скатерть трепетала, а воздух под столом раскалился, стал тяжелым и спертым, как в печи. Она чувствовала жар, исходящий от этих вспышек, чувствовала, как он опалает ее кожу, и боялась, что вот-вот вспыхнет сама, как тот несчастный Эрник, как Пакс, как все те, кто пал жертвой этой страшной силы.

В этот критический момент, когда маг готовил решающий удар, сборщик налогов, собрав последние силы, сделал отчаянный выпад, тот самый выпад, на который идут, когда уже нечего терять, когда смерть кажется неизбежной, но все еще есть надежда на чудо. Его меч вонзился в бок мага, но тот, в последнее мгновение, сумел наклониться, и удар не достиг цели, лишь скользнул по доспехам, не причинив вреда. Разъяренный маг, не глядя, отмахнулся, и мощная волна энергии ударила сборщика налогов прямо в грудь. Его отшвырнуло на несколько метров, и он, пролетев через весь зал, врезался в барную стойку, и затих, как сломанная кукла, которую бросили в угол.

На мгновение все замерло. Маг постоял секунду, восстанавливая дыхание, глядя на поверженного врага, и в его позе читалось удовлетворение, как у хищника, настигшего свою добычу. Затем он повернулся. И именно в этот момент, когда он сделал резкое движение, чтобы поправить свой плащ или доспех, Лира услышала звук. Это был негромкий стук, шелест, шорох ткани, и затем — звон. Что-то выпало из его поясной сумки. Она была видна сквозь щели скалтерти, эта кожаная сумка, туго набитая, и Лира заметила, что застежка на ней расстегнулась во время боя, когда маг делал те самые резкие движения, уклоняясь от меча. И вот, выскользнув

из неё, по полу таверны, усеянному щепками, осколками и пятнами крови, покатился небольшой предмет.

Он катился медленно, словно нарочно направляемый чьей-то невидимой рукой, словно какая-то сила вела его через весь этот хаос и разрушение. Черный, матовый, будто вырезанный из куска самой глубокой, беззвездной ночи, из того самого мрака, который царил до сотворения мира. Это была небольшая корона или, быть может, диадема, но без единого блеска, без единого намека на драгоценный металл или камень. Наоборот, она поглощала свет. Все вокруг — яркие вспышки магии, солнечные лучи, пробивающиеся сквозь пыльные окна, блеск металла, — все это тускло рядом с ней, проваливалось в её черноту, как в бездонный колодец. Она казалась дырой в самой реальности, вырезанной в форме зубчатой короны, и от нее веяло холодом, таким холодом, который проникал не в тело, а в душу, замораживая ее, лишая надежды и воли. Лира никогда не видела ничего подобного, и сам вид этого предмета наполнял ее ужасом, таким ужасом, который не поддавался описанию, который был выше человеческого понимания.

Предмет катился и катился, минуя обломки, как по маслу, как будто для него не существовало преград, и наконец, остановился. Он замер прямо перед ее лицом, в паре сантиметров от ноги Леры, у самого основания стола. Она смотрела на него, не в силах отвести взгляд, загипнотизированная его жуткой, противоестественной красотой. Её разум отказывался понимать, что это. Это была вещь, не принадлежащая этому миру, вещь, которая, казалось, имела свою собственную волю, свою собственную цель, свое собственное темное сознание. Холод, исходящий от неё, был не физическим, а каким-то ментальным, он проникал в самое сердце, сковывая его страхом, заставляя кровь стынуть в жилах. Лира чувствовала, как этот холод распространяется по ее телу, как он поднимается от ног к груди, к голове, как он пытается завладеть ее разумом, ее душой, ее самой сущностью.

Время остановилось. Звуки боя, крики, тяжелое дыхание мага — все отошло на второй план, став лишь далеким, едва слышимым фоном, как шум моря, который слышишь в раковине. В её мире остались только она и эта вещь, этот черный предмет, который лежал у ее ног, и, казалось, смотрел на нее из своей непостижимой глубины. Ей казалось, что он знает о ней, что он видит ее, что он изучает ее, оценивает, решает, достойна ли она его внимания или нет. И это чувство было еще страшнее, чем страх перед магом, еще ужаснее, чем вид смерти и разрушения. Это было чувство абсолютной, беззащитной наготы перед чем-то бесконечно древним и бесконечно могущественным.

Лира замерла, как кролик перед удавом. Она боялась даже дышать. Ей казалось, что сам воздух в легких, любое малейшее движение, способно потревожить это чудовищное, безмолвное присутствие. Ей казалось, что этот предмет ждет. Что он ждет какого-то знака, какого-то действия, какой-то реакции с ее стороны. И она не знала, чего именно он ждет, но чувствовала, что от этого ожидания зависит не только ее жизнь, но и что-то гораздо большее, что-то, что она не могла понять своим ограниченным человеческим разумом. Она перестала дышать совсем, и легкие начали гореть, требуя воздуха, но страх был сильнее, страх пересиливал даже физическую потребность в кислороде. Перед глазамиплыли черные круги, голова начала кружиться, но она не могла заставить себя сделать вдох, не могла нарушить эту страшную, звенящую тишину.

Она услышала, как маг пошевелился. Тяжелый шаг. Еще один. Он шел в её сторону. Нет. Сердце оборвалось и ухнуло вниз, в ледяную пустоту, в бездну, из которой, казалось, нет воз-

врата. Он шел к столу. Он заметил пропажу. Его шаги были медленными, уверенными, как будто он знал, что его добыча никуда не денется, как будто он не сомневался в том, что найдет то, что ищет. Лира видела его сапоги, которые остановились прямо напротив, в считанных сантиметрах от ее укрытия. Она не могла дышать. Легкие горели, перед глазами плыли черные круги, а в ушах стоял звон, который, казалось, был слышен на всю таверну. Она словно окаменела, парализованная смертельным ужасом, превратившись в статую, в камень, в ничто.

Маг наклонился. Лира увидела, как его рука, закованная в черную перчатку, тянется вниз, к полу, к этому черному предмету, который лежал у ее ног. Её сердце пропустило несколько ударов, а затем забило с бешеной, сбивчивой скоростью, как птица, бьющаяся о прутья клетки. Конец. Это конец. Он увидит ее и убьет. Или, что еще хуже, сделает что-то, о чем она даже не могла помыслить. Ей хотелось зажмуриться, но веки, налитые свинцом, не слушались, как будто какая-то сила держала их открытыми, заставляя ее смотреть на приближающуюся смерть. Рука все тянулась. Кончики его пальцев коснулись черной короны.

И в этот миг произошло нечто странное. Ей показалось, или от предмета к её ноге проскочила крошечная, ледяная искра? Мгновенное, едва уловимое касание, как будто кто-то невидимый провел по ее коже кончиком ледяного пальца. Это было так быстро, так мимолетно, что она могла бы списать это на игру воображения, на галлюцинацию, порожденную ужасом и кислородным голоданием. Но это было реально. Она чувствовала это. Она знала это. И это знание наполняло ее ужасом даже большим, чем приближение мага. Маг резко выпрямился, сжимая корону в руке, и Лира почувствовала, как он замер. Он стоял не двигаясь. Лира видела, как его плащ слегка колышется, хотя в зале не было ветра. Он словно прислушивался к чему-то. К ней. Она чувствовала, как его темный, невидимый взгляд ощупывает пространство под столом, как он проникает сквозь скатерть, сквозь тень, сквозь саму ее плоть, добираясь до самой сути. Это длилось целую вечность. Каждая секунда была наполнена невыносимой пыткой, каждая доля секунды растягивалась в бесконечность, и Лира была уверена, что не выдержит, что сойдет с ума от этого напряжения. Один ее вдох, один шорох, одно случайное движение — и смерть. Она молилась о том, чтобы умереть быстро, чтобы не мучиться, но даже в этой молитве не было надежды.

Внезапно, снаружи раздался громкий, трубный звук, а затем — отчаянные крики на неизвестном языке, в которых слышались паника и страх. Маг резко повернулся к двери, и его поза изменилась, стала напряженной, как у хищника, почуявшего опасность. — Проклятье! — прорычал он. Не оглядываясь, он быстрым, хищным шагом направился к выходу, сжимая в руке свою черную, впитывающую свет ношу. Звук его шагов удалился, и через секунду он уже был на улице, где его ждали новые приказы и новая кровь.

Лира осталась одна. Она все еще не могла пошевелиться. Слезы беззвучно катились по ее щекам, смешиваясь с грязью и пылью на лице, оставляя на коже грязные разводы. Вокруг было тихо. Снаружи, казалось, бой стихал, и эта тишина была страшнее любого шума, потому что она означала конец. Конец всего. Деревня горела. Запах дыма, уже не уютного, печного, а едкого, удушливого, начал проникать в таверну, заполняя все пространство, пробираясь даже под стол, в ее маленькое убежище. В нем чувствовался запах гари, смерти и чего-то еще, отдаленно напоминающего жженое мясо, и от этого запаха желудок скручивало в тугой узел, а к горлу подступала тошнота. Это был запах конца. Запах ее мира, превратившегося в пепел.

Она не знала, сколько времени просидела так, скорчившись под столом, в объятиях ужаса, не в силах ни пошевелиться, ни закричать, ни заплакать в голос. Время потеряло для

нее всякий смысл, оно то растягивалось в бесконечность, то сжималось в одну точку, и Лира не могла понять, прошли минуты или часы с тех пор, как маг покинул таверну. Где-то далеко раздавались крики, но не боевые, а полные горя и отчаяния. Плакали женщины, оплакивая погибших, причитали старики, не понимая, за что на их головы обрушилась эта беда. Рейдеры ушли, забрав то, за чем пришли, и оставив после себя только пепел, смерть и тишину. Но для Лире этот мир, мир, который она знала, уже закончился. От него остался лишь пепел, кружащийся на ветру, и холодное, липкое чувство ужаса, поселившееся глубоко внутри, которое она уже никогда не сможет забыть.

Она не знала, что с отцом. Не знала, остался ли кто-то живой. Не знала, что будет с ней самой, что будет с деревней, что будет с миром, который она считала вечным и неизменным. Она знала только одно: та жизнь, которую она вела еще этим утром, уничтожена навсегда, сметена, как дом, смытый наводнением, как след на песке, стертый волной. И где-то, в самой глубине ее существа, отпечатался образ черной короны, которая, как ей тогда показалось, коснулась не только пола, но и чего-то в ней самой. Оставив на душе невидимый, но навсегда черный след, который, как она чувствовала, изменит всю ее жизнь, направит ее по новому пути, пути, полному тьмы, опасностей и неведомых испытаний. И эта мысль, эта странная, иррациональная уверенность, пугала ее даже больше, чем все ужасы этого дня вместе взятые. Потому что она знала, чувствовала всем своим существом, что это еще не конец. Что это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.